

**«Удзи сюи моногатари»
(«Рассказы, собранные в Удзи»), XIII в.**

Вступление и перевод избранных рассказов со старояпонского
Д. Кикнадзе

В данной публикации автор знакомит читателей с жанровой особенностью памятника японской повествовательной прозы жанра *сэцува* «Удзи сюи моногатари», XIII в., и представляет несколько ранее не переведенных на русский язык рассказов, характеризующих состояние простонародного буддизма на закате эпохи Хэйан, сосуществовавшего в повседневной жизни японцев с китайскими магическими практиками.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, жанр *сэцува*, буддизм, амидаизм, мантическая практика Оммёдо, бодхисаттва Дзидзо, монах.

В настоящей статье хотелось бы познакомить читателя с памятником японской повествовательной прозы *сэцува* «Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи»)¹ и привести перевод нескольких рассказов, наиболее ярко иллюстрирующих это произведение.

Свои корни жанр *сэцува* обнаруживает в Древней Индии в виде *джатак* и Китае в качестве *сяошо*, откуда впоследствии он и проник в Японию благодаря просвещенным буддийским монахам-проповедникам в эпоху Нара (710–794). Под *сэцува* мы подразумеваем как сам жанр, так и рассказы, собранные в сборниках данного жанра. Зачастую это короткие истории, в которых заключается суть одной из сутр (чаще всего это популярная во времена распространения буддизма «Лотосовая Сутра»), или же такие основные постулаты буддизма, как: идея кармы, существование рая и ада, значение ритуала, важность соблюдения поста и творения милостыни, воздержание от греха, вырезание статуй будд и бодхисаттв и т.п. Рассказы ранних сборников *сэцува* написаны в дидактическом тоне, необходимом для успешного распространения буддизма в Японии, однако к середине эпохи Хэйан в жанре произошло разделение на «мирские» и «буддийские» истории, поэтому более поздние произведения стали утрачивать назидательный оттенок. К подобного рода *сэцува* и относится «Удзи сюи моногатари».

«Рассказы, собранные в Удзи» датируется XIII в. н.э., т.е. эпохой Камакура (1185–1333). Авторство произведения приписывается некоему пожилому аристократу, советнику Такакуни, который спасался от жары в тени храма Бёдоин в Удзи и со скуки расспрашивал прохожих и прихожан храма о том чудесном или ужасном, что им доводилось слышать. Результатом любознательности Такакуни и стали его записи, по-

¹ Удзи — городок в пригороде Киото. В эпоху Хэйан являлся летней резиденцией императора и знатных аристократов.

лучившие популярность при дворе и, уже в эпоху Камакура, дополненные другими аристократами — поклонниками жанра литературы *сэцува*.

«Удзи сюи моногатари» составлен на классическом японском языке *бунготай* и включает в себя 197 рассказов; автограф его состоял из 2 свитков, которые впоследствии были разбиты на 15 свитков для удобочтения и популяризации (Словарь литературы *сэцува*, 1969, с. 31).

Построение рассказов в «Удзи сюи моногатари» хаотично, не связано по содержанию друг с другом, на первый взгляд лишено какой-либо логической цепочки, классификации по темам, как в его великом предшественнике «Кондзюку моногатари»², XII в. Рассказы, вошедшие в сборник, представляют собой пеструю цепочку из самых разных историй — страшных и забавных, назидательных и легкомысленных, а то и вовсе срамных и глупых. К последним относятся реальные истории, произошедшие со столичными аристократами, имена которых открыто значатся в рассказах. Однако большая часть историй, особенно записанных после смерти Такакуни, перекликается со многими известными произведениями жанра *сэцува*, легендами старой Индии и Китая, а также текстами буддийских сутр.

Говоря о сюжетной организации рассказов памятника, стоит обратить внимание на пестрое, «мозаичное» выстраивание истории: с рассказом о достойном аристократе соседствует скабрёзная история, ревностный служитель Будды противопоставляется монаху-самозванцу, трудолюбивый ремесленник — воришке. Таким образом, в произведении ярко представлена социальная дифференциация того времени, разное духовное состояние и моральные устои общества. Как раз в такой уникальной компоновке рассказов «Удзи сюи моногатари», которая на первый взгляд кажется хаотичной и лишенной логики, и заключается его ценность.

«Рассказы, собранные в Удзи» — это бесценный источник по изучению состояния японского буддизма позднехэйанского периода, представлявшего собой невообразимую смесь из исконно японского синто, даосской магии, эзотерического буддизма и амидаизма. «Время, отраженное в произведении, было весьма непростым: буддийская церковь стала играть чуть ли не главную роль в духовной жизни населения, а каждая школа претендовала на звание носителя истинного вероучения. Ко всему прочему, 1052 год был назван первым годом наступления Последнего конца Закона Будды, согласно которому человечество вступало в последнюю и самую ужасную из кальп, когда, по учению Будды, в мире начались бы всякого рода беспорядки и катаклизмы. Население Японии бросилось искать спасение в молитве будде Амида и всемилостивом бодхисаттве Дзидзо» (Григорьева, 1993, с. 194–197). Неизбежным оказалось появление еретических проявлений амидаизма в виде массовых или единичных самоубийств.

Учитывая данную особенность источника, автор счел необходимым отобрать истории из «Удзи сюи моногатари», наиболее ярко отражающие духовно-интеллектуальное состояние позднехэйанского общества, степень восприятия буддийского вероучения, все возрастающую популярность мантических практик, несмотря на недовольство буддийской церкви.

В статье представлены ранее не опубликованные рассказы в переводе автора с классического японского языка *бунго* из памятника прозы *сэцува* «Удзи сюи моногатари», изданного в 1966 г. в серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 50.

² «Стародавние повести» — крупнейшее произведение жанра *сэцува*.

Про монаха-самоубийцу

Свиток 11, рассказ 9

И эта история давно минувших лет. Был на этом свете отшельник, возжелавший свести счеты со своей жизнью, но сперва в храме Гидариндзи он в течение ста дней совершал церемонию покаяния. К месту тому стекалось невообразимое количество людей — они приходили из мест близких и дальних, да так заполнили собой дорогу, что для экипажей фрейлин, прибывших поклониться монаху, совсем не оставалось места.

На вид отшельнику можно было дать лет тридцать с лишним, был он худощав, глаза его были полуприкрыты, поскольку не желал ни на кого глядеть, губы же время от времени шевелились, возглашая имя будды Амиды.

По всей видимости, все это время одними губами он творил молитву-заклинание³. И все же иногда он, издавая легкий вздох, скользил взглядом по лицам в толпе, а люди из желания уловить его взгляд, еще больше теснились и отпихивали друг друга.

И вот, ранним утром того знаменательного дня отшельник наконец-то вошел в храм, другие монахи, явившиеся раньше, ждали снаружи, образовав многочисленную процессию. Наш отшельник же, переодетый в бумажную рясу и набедренную повязку, замыкая вереницу монахов, ехал в повозке. Губы его шевелились, но слов было не разобрать. На толпу он не глядел, а лишь время от времени из его груди вырывался тяжелый вздох. Люди, стоящие по обочинам дороги, осыпали его дождем из рисовых зерен, на что отшельник иногда реагировал так: «Прекратите, рис забивается в мой нос и глаза! Если вы так желаете проявить свою добродетель, то почему бы вам не насыпать зерна в бумажные мешочки и не отослать их в храм, где я пребывал прежде?!» Простолюдины благоговейно складывали руки и продолжали кланяться, а те, кто были сообразительней, недоумевали: «Отчего это он такую чепуху мелет? Собрался топиться, а говорит, чтобы рис послали в храм Гидариндзи, да еще жалуется на то, что рис забивается в глаза и нос!»

И вот, повозка с быками стала медленно продвигаться, а когда достигла конца Седьмого проспекта, то толпа горожан, пришедших поклониться самоубийце, превысила, наверное, число камней на побережье. Повозка свернула на берег реки, где ее и поставили на оглобли. Отшельник спросил, который час, ему ответили, что, должно быть, уже минул четвертый час. Самоубийца отвечал так: «Для перерождения пока еще слишком рано. Подождем еще немного». Тогда люди, пришедшие издалека, решили воротиться, и на берегу остались лишь самые любопытные, решившие наблюдать за действием до конца. Среди таковых был и монах, который все диву давался: «Неужели для перерождения есть строго установленное время?! Ничего не понимаю!»

Некоторое время спустя отшельник разоблачился до одной набедренной повязки и, обратившись лицом на Запад, вошел в воду, но не сумел правильно нырнуть, так как ему мешала веревка, привязанная одним концом к корме лодки, а другим вокруг его ступни. Тогда монах, его последователь, размотал веревку, но тот неудачно упал головой вниз и стал суматошно барахтаться и булькать. Некто до этого спустившийся с берега в воду, чтобы хорошенько наблюдать за ритуалом, схватил отшельника за руку и вытянул его на поверхность воды. Тот оттер лицо, сплюнул заглотанную воду, затем повернулся к своему спасателю с благодарно сложенными руками и вскричал:

³ Имеется в виду молитва-*нэмбуцу*, обращенная к будде Амиды. Считалось, что многократное повторение молитвы помогает перерождению в Чистой земле будды Амиды.

«Я глубоко тебе благодарен. Я вспомню о твоей милости в Раю!» — и бегом устремился на берег реки. Наблюдавшие за представлением и взрослые и дети бросились собирать на берегу камни и кидаться ими в удирающего «утопленника». А тот, все нагишом, в одной только набедренной повязке, сбежал вниз по течению, но там его нагнала толпа, и каждый запустил в него камнем, да так, что под конец голову ему и разmozжили.

Похоже, что это был тот же самый монах, который, как рассказывали, послал своему другу дыню из Ямато, а в сопроводительной записке написал следующее: «Святой, как-то раз попытавшийся утопиться».

Про то, как юная дама заказала удобочитаемый календарь⁴

Свиток 5, рассказ 7

Давным-давно юная супруга одного господина, попросив у знакомого бумаги, велела молодому монаху, что находился при том доме, составить для нее календарь на азбуке *кана*⁵, чтобы ей было удобно им пользоваться. Монашек тот счел просьбу госпожи за честь и принял за дело. Поначалу он строго придерживался правил — обозначал дни так: «День поклонения Будде и *ками*», «Несчастливый день», «Счастливым день». Однако же устав под конец, он решил повеселиться и стал придумывать: «День воздержания от пищи» или же «День, когда нельзя вкушать то-то и то-то».

Даме поначалу показался тот календарь весьма странным, отличающимся от привычных ей календарей, но она не стала вникать в глубь изложенного и стала следовать каждому его предписанию.

Но вот настал день, по которому значилось следующее: «Запрет на испражнение». Написанное весьма ее смутило, но дама подумала, что на то есть своя причина, и стала следовать запрету. Затем под предлогом череды несчастливых дней вновь были обозначены дни запрета на испражнение. И так 2–3 дня! Бедняжка же больше не могла терпеть и, плотно придерживая зад обеими руками, причитала:

— Ах, что же делать, что же делать?!

Поговаривают, что несчастная так извивалась всем телом, что ненароком и обделалась!

Про Дзидзо и монаха Кано из горной пагоды Ёкава, что на Хиэйдзан

Свиток 5, рассказ 13

И это случилось давно. Некий монах по имени Кано Тиин, отличавшийся злым нравом, обитал в горной пагоде Кано, что на святой горе Хиэйдзан. Днями и ночами творил он гнусные дела, а храмовое добро использовал лишь себе на благо. В пагоде той был у него сан монаха-*сюгэ*⁶ — присматривающего за чтецами сутр. Отправился он как-то раз по делам в Главное ведомство храма, а когда проходил мимо пагоды,

⁴ Составлением личного календаря занимались мастера мантической практики *оммёдо* (Инь-Ян). Ежедневное пользование таким календарем и следование его предписаниям было обязательной практикой в обществе эпохи Хэйан.

⁵ Азбука *кана*, созданная в эпоху Хэйан на основе скорописных иероглифов, являясь облегченным видом письменности, считалась женским письмом, тогда как иероглифическое письмо *камбун* — сугубо мужским.

⁶ Епископ низкого ранга.

как он всегда это делал, то заприметил у ее подножия ветхую статую Дзидзо⁷, стоявшую среди всякого хлама.

Взглянул он мельком с благоговением на статую, а после, проходя время от времени мимо нее, взял за обычай снимать головной убор, преклонять голову, ходить взад-вперед в молитве и только после продолжать свой путь.

Некоторое время спустя этот самый монах Кано скончался. Узнал про то настоятель храма и с горечью вымолвил: «Кано был нечестивым монахом, посему дальнейшая его судьба предопределена — гореть ему в аду!» Всем бескрайне было жаль грешника.

Меж тем среди насельников прошел шепоток — статуя Дзидзо, стоявшая у подножия пагоды, исчезла! Предположили, что статую могли забрать на реставрацию, а в это же время настоятелю храма снилось, как будто он вопрошал — куда же подевалась статуя Дзидзо? На то некий монах отвечал, что бодхисаттва Дзидзо изволил удалиться вместе с нечестивцем Кано Тиин, чтобы вовремя вызволить его еще в тот день, когда тот угодил в самый нижний ад из всех Восьми адов.

Настоятель недоумевал — как же Дзидзо мог сопровождать в ад такого грешника, как Кано! Однако монах в его сне отвечал так: «Когда Кано проходил мимо пагоды, то всегда кротко смотрел на Дзидзо, а иногда даже возносил молитву».

Проснувшись, настоятель лично пожелал проверить увиденное: приблизился он к подножию пагоды, и что же видит — статуи Дзидзо как не бывало!

— «Ну и ну! Неужели и впрямь Дзидзо сопроводил монаха?!» — подумал настоятель. В ту же ночь ему вновь приснилось, как будто проходит он мимо пагоды, а статуя как стояла — так и стоит!

— «Не тот ли самый это Дзидзо, что исчезал на днях? Что же он возвратился?» — подивился настоятель.

— «Да ведь ходил он в ад вместе с Кано, спас его и обратно воротился. Вот, даже ноги себе обжег!» — отвечали люди, стоящие рядом со статуей.

Глянул сновидец на ноги Дзидзо — а они у него черные и обугленные!

Даже во сне настоятель не переставал дивиться увиденному.

Пробудившись, он в слезах поспешил к пагоде, чтобы лицезреть статую. И что же он увидел — из глаз Дзидзо капали слезы, а ноги и вправду были словно угли. Увиденное заставило преисполниться сердце монаха благодарности и сострадания. Нарыдавшись подле статуи, настоятель распорядился перенести Дзидзо в пагоду.

Вот что мне рассказал один верующий: «Дзидзо сей и поныне там находится. В длину он всего-то 2 *сяку*⁸ и 5 *сунов*⁹». Этот человек сам преклонял колени перед сей статуей.

Про Дзидзо из местечка Си-но-Мия

Свиток 5, рассказ 1

И эта история случилась давным-давно! В окрестностях дороги Ямасина, где протекала речка Си-но-Мия, было место, где собирались торговцы, известные под прозвищем *содэ-курабэ* — «махальщики рукавами»¹⁰.

⁷ Здесь и далее представлены рассказы о милости бодхисаттвы Дзидзо (санскрит — Кшитигарбха). Популярность бодхисаттвы пришлась на конец эпохи Хэйан в связи с идеей скорейшего и легкого спасения на фоне доминирующей идеи Конца Закона будды.

⁸ *Сяку* — ок. 30–33 см.

⁹ *Сун* — ок. 3 см.

¹⁰ *Содэ-курабэ* — тип торговцев низшего сословия в эпоху Хэйан. Держали руки в длинных рукавах одежды и числом взмахов снижали цену.

Бывший среди них человек низкого происхождения изготовил статую бодхисаттвы Дзидзо, но, так и не устроив церемонии «открытия очей»¹¹, поместил в большой ящик да поставил в дальнюю комнату, забыв о ней напрочь. Так и прошли 3–4 года в трудах и заботах...

Однажды ночью во сне привиделось ему, как прохожий с большой дороги позвал человека. «В чем дело?» — подумалось торговцу и он стал прислушиваться.

— «Господин Дзидзо!» — звал этот человек.

Тут, из самой дальней комнаты в доме раздался чей-то высокий голос: «Слушаю!»

— «Дело в том, что завтра император Тайсяку изволит устроить пиршество в честь Дзидзо. Не соблаговолите ли принять приглашение?» — вопрошал кто-то.

— «Желание прийти-то есть, но очи мои все еще не открыты — оттого и воздерживаюсь!» — отвечал голос из лачуги.

— «Ну пожалуйста, извольте прийти!» — настаивал на своем стоящий перед домом.

— «Как же мне прийти — ведь очи мои не видят!» — отвечал Дзидзо.

Тут сновидец пробудился в недоумении от столь странного сна и, дождавшись рассвета, решил пройти в дальнюю комнату. Оглядевшись по сторонам, он вспомнил о статуе Дзидзо и наконец вызволил ее из ящика.

— «Вот что я увидел во сне!» — воскликнул он пораженный и в великой спешке стал готовиться к церемонии «открытия очей».

Про слугу монаха Тада, что только вступил на путь служения Будде

Свиток 3, рассказ 12

И эта история случилась давным-давно. В услужении у Тада Мицунака был свирепый слуга-самурай. Убийство было его обычным занятием. Куда бы он ни пошел — в поле или горы, всюду брал с собой ловчую птицу, а о свершении буддийских обрядов нисколько не заботился.

Как-то раз, погоняя коня во время охоты, настиг он оленя. Приготовил стрелу, натянул тетиву, а на дороге, по которой он преследовал оленя, располагался буддийский храм. Проскакав мимо храма, внезапно оглянулся, а внутри же находился бодхисаттва Дзидзо! В левой руке он сжимал пойманную стрелу, в правой — соломенную шляпу-*каса*. Самурай же, не испытав ни малейшего благоговения, погнался на дальше.

С тех пор прошло немало лет — самурай захворал, а несколько дней спустя умер в страшных муках. Попав в загробный мир, он был позван во владения Эмма¹². Вот что предстало его взору: множество грешников были истязаемы согласно тяжести содеянных ими грехов, а потому и способы наказания были весьма ужасными. И слуга, осознавая все свои грехи, рыдал о неизбежности пыток и горьких мук, но некому было ему помочь.

В это время явился некий монах. Безмолвно он дал совет: «Думаю, смогу тебе помочь. Поскорей возвращайся в мир живых — ты должен искупить свои грехи!» Грешника озадачили слова монаха: «Кто же так за меня просит?!» Монах так изволил отвечать: «Я — тот самый бодхисаттва Дзидзо, что пребывал в храме, на который ты

¹¹ Буддийская церемония «открытия очей» новой статуе будды или бодхисаттвы.

¹² Царь Загробного мира Эмма или Яма. Часто ассоциируется с бодхисаттвой Дзидзо.

взглянул мельком, когда проскакал мимо храма, преследуя оленя. Хоть твои грехи и наиболее тяжкие, благодаря той толике веры в меня я пришел тебе на помощь!»

Вняв сказанным словам, самурай воскрес. После этого он навсегда отказался от охоты и, поговаривают, стал почитать бодхисаттву Дзидзо.

Про пса регента и чудесной силе Сэймэя

Свиток 14, рассказ 10

В старые времена, когда строительство храма Ходзэдзи было завершено, стал туда ежедневно хаживать сам регент Фудзивара Митинага¹³. В те времена держал он белого пса, в котором души не чаял, и куда бы он ни ходил — повсюду брал его с собой. Как-то раз пес по обыкновению следовал за своим хозяином, но когда регент вознамерился выехать за ворота, пес преградил экипажу путь и поднял лай. «Что такое?» — подумал Митинага, вышел из кареты, решив пешком выйти за ворота, но тут пес вцепился зубами в подол его платья, мешая тому и шагу ступить. Тогда регент понял, что без особой причины пес не стал бы этого делать, велел принести низенькую скамеечку, уселся на нее и распорядился срочно доставить Сэймэя¹⁴. Тот не заставил себя долго ждать. Когда регент объяснил ему в чем дело, Сэймэй принялся за гадание, а спустя некоторое время доложил:

— На Вас наслана смертоносная порча — на дороге зарыт какой-то предмет. Если Вы переступите через него, случится ужасное. Собака Ваша наделена божественной силой, вот она и хотела Вам сообщить об опасности.

— Где же этот предмет? Погадай и откопай его! — велел регент.

— С радостью, государь, — ответил Сэймэй и принялся гадать, а спустя какое-то время указал на определенное место.

Место разрыли, глянули, а там оказались две глиняные чаши, сложенные вместе и скрепленные крест-накрест желтой бумажной лентой. Когда их открыли, то внутри ничего не обнаружили, разве что на дне чаши киноварью был выведен знак «—»¹⁵. Сэймэй был чрезвычайно поражен:

— Кроме меня никто не знает тайны этого гадания! Неужели это проделки мастера Дома?! Сейчас все узнаем! — с этими словами он вынул из-за пазухи листок бумаги, свернул его в виде птицы, нашептал магическое заклинание и подбросил в воздух. В следующее мгновение бумажная фигурка превратилась в белую цаплю и улетела в южном направлении. Сэймэй велел прислужнику узнать, куда же приземлится птица, сам же вошел в ветхий дом с двустворчатой дверью, что на пересечении линий Рокудзёбомон и Мадэнокодзи¹⁶. Хозяин того дома, старый гадатель, был тотчас же схвачен и доставлен ко Двору. На допросе он отвечал, что совершил такое, будучи подстрекаем Левым Министром, князем Акимицу.

— За такое преступление тебя бы следовало наказать со всей строгостью, да вот только не ты тут виноват. Впредь не смей совершать подобное! — так было сказано магу, а в наказание он был сослан на свою родину, провинцию Харима.

После смерти князь Акимицу перевоплотился в мстительного духа и насылал бедствия в окрестностях храма Ходзэдзи. Говорят, после того происшествия князя назы-

¹³ Регент при малолетних императорах, выдающаяся фигура в истории Японии.

¹⁴ Речь идет о Абэ Сэймэе — великом мастере практики *аммёдо*. В памятнике ему посвящены четыре рассказа.

¹⁵ Иероглиф «один».

¹⁶ Названия улиц-линий в столице Хэйан-кё.

вали не иначе как «Злобный Министр». А пса с тех пор стали баловать пуще прежнего.

Про то, как тот же епископ [Дзёкан]¹⁷ силой молитвы разрушил скалу на горе Хиэй

Свиток 2, рассказ 3

Давным-давно в западной пагоде монастыря Тысячерукой Каннон обитал епископ Дзёкан. Расположение сего храма было таково, что с его южной стороны можно было лицезреть вершину горы [Хиэйдзан]. На склоне с северо-западной стороны горы была большая скала. Своим видом она напоминала разинутую пасть дракона. Много монахов, обитавших на ее склонах, умерло, будучи в полном здравии. Вскоре [люди], не разумея причины, стали вопрошать: «И отчего они поумирали?!» Однако в это время прошел слух, что это все из-за той скалы — вот и назвали ее Скалой Ядовитого Дракона. И поэтому, стоило одному умереть, как следом погибали и другие. Так Западная пагода приходила все в большее запустение. А когда в монастыре Тысячерукой Каннон погибало много монахов, то оставшиеся в живых начинали хворать. Своим видом скала и впрямь напоминала огромную разинутую пасть дракона.

Епископ убедился в том, что людская молва оказалась правдой, и стал в течение семи дней и ночей совершать спасительный ритуал перед этой скалой. Лишь в ночь на седьмой день небо заволкли тучи, и двигались они с невероятной скоростью. Над вершиной горы Хиэйдзан зависли черные тучи, сокрывшие ее полностью. Вскоре небо прояснилось, рассвело, а когда глянули на вершину — оказалось, что Скала Ядовитого Дракона раскололась, да так, что и камешка от нее не осталось. Хоть после всего этого в Западной пагоде зажили люди, никакого зла им не делалось. Говорят, что монахи из Западной пагоды весьма чтят епископа Дзёкана вплоть до нынешних времен.

До чего же удивительная история!

Список литературы

Григорьева Т.П. Буддизм в Японии. М., 1993.

Сэцува бунгаку дзитэн (Словарь литературы *сэцува*). Сост., вступит. ст. Нагано Дзёити. Токио, 1969.

Удзи сюи моногатари (Рассказы, собранные в Удзи). Серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 50. Сост., пер. со старояпон. и коммент. Кобаяси Мацуко, Масуко Кадзуко. Токио, 1996.

Summary

“Uji Shui Monogatari” (“Tales Collected in Uji”), 13th century.

Introduction and Translation from Classical Japanese by Diana Kiknadze

The article introduces selected stories from “Uji Shui Monogatari”, 13th century — a collection of Japanese narrative prose *setsuwa*. These short stories describe the status of popular Buddhism which coexisted with Chinese magical practices in daily life of the Japanese at the end of the Heian period (9–12th centuries). Previously these stories have not been translated into Russian.

¹⁷ Епископ высшего ранга Дзёкан был последователем школы Тэндай в начале эпохи Хэйан. Обладал небывалым магическим даром вызывания дождя и исцеления. В народе почитался как чудесник.